

«Родина» Некрасова — произведение своеобразного пародийного типа, подобное его же «Тройке» (1846) и «Колыбельной песне» (1845), и представляет интерес с точки зрения теории пародии. Некрасов неоднократно прибегал к переосмыслению, переделке, сатирическому заостроению какого-либо широко известного стихотворения.

После Некрасова тема родного угла в традиционном духе продолжала существовать в произведениях поэтов-романтиков (А. Н. Апухтин — «К родине», 1853, и др.). Особенно часты такие стихотворения в реакционные 80-е годы, после смерти Некрасова, при упадке гражданской поэзии (С. Фрэг. «На родине», 1885; А. Н. Будищев. «На родине», 1891; К. Р. «Садик запущенный, садик заглохший...», 1886).

В европейском литературоведении к концу века возникает определенно связанное с этим жанром и его традициями «этнологическое» направление культурно-генетической школы, изучавшее писателя как продукт «родного уголка», детства, происхождения и т. п. (Ср.: А. Зауэр. История литературы и родиноведение, 1907).

Реалистическое искусство преодолевает традиционный жанр и связанную с ним романтическую стилистику. Примером реалистического решения этой темы можно считать рассказ А. П. Чехова «В родном углу» (1897). Характерно, что произведение создано в прозе; герой объективирован; тема «родного угла» и связанные с ней иллюзии — развенчиваются.

В жанре лирического стихотворения реалистически разработал эту тему С. Есенин («Возвращение на родину», 1924), где дано скептическое осмысление действительности.

Таким образом, в отношении к романтическим произведениям жанра «возвращение на родину», «Родина» Некрасова — своеобразный антижанр, полемическая обратная реминисценция, пародийное произведение, созданное в полемических целях в период смены литературных веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исключением составляет стихотворение А. С. Пушкина. Однако вся пушкинская поэзия воспринималась в то время, в частности, и Некрасовым, как романтическое творчество.

О. Я. Самочатова

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ ИЗ ОТНОШЕНИЙ НЕКРАСОВА И ТУРГНЕВА В 50-Е ГОДЫ

Дружеские отношения Некрасова и Тургенева в первой половине 50-х годов общеизвестны, а высокая оценка поэтом

«Записок охотника» не была поколеблена и позднее. Однако, если признание Некрасовым демократической, сатирической направленности тургеневской книги было безоговорочным¹, то восприятие им формы рассказов и записок с лирическим, иногда сентиментальным оттенком оказалось более сложным и далеко не бесспорным.

Надо сказать, что формы произведений с интимно-биографическим колоритом — всякого рода записки, дневники, воспоминания — были тогда распространенными. «...Теперь только и пишутся, — заявлял Некрасов в 1853 г., — что записки, признания, воспоминания, автобиографии» (VI, 334).

Для зарисовок деревенского быта и образов людей из народа наибольшей популярностью пользовались охотничьи записки. По мнению К. И. Чуковского, охота являлась в то время одним из своеобразных путей общения дворянских писателей с народом и представлялась удобной для их наблюдений. Обращение молодого Тургенева к жанру таких записок — очерков и рассказов — не было новым, но после выхода «Записок охотника» отдельным изданием, их успеха в литературных кругах эти формы становятся для показа народного быта наиболее характерными. К. И. Чуковский справедливо заметил: «То была пора охотничьих записок и рассказов — высший апогей этой литературной формы»².

Самый термин «записки» заключал в себе не углубленно психологический, аналитический смысл дневниковых записей рефлектирующего героя, — он выступал в значении непосредственным, так что характер изображения лиц и событий органически сочетался в них с образом наблюдательного, лирически настроенного на лоне природы охотника, неторопливо ведущего свой рассказ.

Традиции времени отражал и первоначальный подзаголовок к «Хорю и Калинычу» — «Из записок охотника», придуманный И. И. Панаевым. Такие подзаголовки к рассказам и очеркам из крестьянского быта были тогда и позже в большом ходу и преследовали различные цели. Боязнь авторов взять на себя слишком много в охвате народной жизни типична, — отсюда стремление вызвать известное снисхождение у читателя как к себе, так и к своим персонажам, что обычно и споспосовало в подзаголовках либо предлогом «из», либо иным способом. При этом то подчеркивалась близость автора к действующим лицам («Кирилыч. Несколько листков из записок» и «Софья. Еще несколько листков из записок» Л. Мея), то предмет рисовался как бы со стороны («Лихач. Из записок празднующегося» С. Калошина, «Старобубнов бор. Рассказ землемера» Г. Данилевского, «Леший. Рассказ исправника» А. Писемского). В одних случаях подзаголовок указывал на фрагментарность («Вотяки. Из путевого записок» С. Максимова), в других — напротив, развертывал содержание («Мои шенкурские знакомцы. Их нравы, обычаи,

поверия, суеверия и проч.» А. Х.). К опубликованной в «Современнике» в 1855 г. части «Тонкого человека» Некрасов также поставил подзаголовок: «Его приключения и наблюдения». На обертке рукописи последующих глав он обширнее: «Тонкий человек. Его путевые, охотничьи и сердечные приключения».

Если форма охотничьих записок была у Тургенева традиционной, то влитое в них содержание оказалось новаторским и далеко не охотничьим. Изображение самой охоты автора не занимает, это всего лишь композиционный стержень, элемент в структуре рассказов, имеющий определенное назначение. Ту же роль играет охота в некрасовских произведениях 40—50-х годов, в частности, в «Тонком человеке». Отсюда — существенное отличие произведений Тургенева и Некрасова от многочисленных охотничьих воспоминаний и записок, вплоть до известных «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

Создавая на материале поездки по Владимирскому краю «Тонкого человека», Некрасов «захотел, — отмечает К. И. Чуковский, — вслед за своим другом Тургеневым воспользоваться формой записок охотника для изображения тех деревенских людей, с которыми он встречался на новых местах. Он затеял большую охотничью повесть, в основу которой должны были лечь эти деревенские встречи»³.

Как видим, замысел «Тонкого человека» — единственного прозаического произведения Некрасова из крестьянской жизни — относился все же не к циклу очерков и рассказов (хотя элемент дневниковых записок имелся), а к крупному жанру: «большая повесть», — фиксировал К. И. Чуковский. Но главное отличие манеры Некрасова от манеры Тургенева не в этом.

Некрасов не только следует за автором «Записок охотника», но, что для того времени необычно и примечательно, пародирует тургеневскую манеру. Он отвергает интимный характер повествования в подобных записках и иронически рекомендует их многочисленным авторам совершенствовать изложение с помощью «действия лопаты», которой успешно пользуются при «веянии» «только что вымолоченного хлеба», ибо стоит заменить «торжественное» «я» на «скромное» «он», как зерно остается, а шелуха подробностей, пыль «вылетает сама собою». «...Да научатся «веять» все те, до кого это может относиться» (VI, 334), — восклицает Некрасов.

В другом отрывке, входящем в замысел «Тонкого человека», он непосредственно упоминает Тургенева, снижая поэтичность внешнего антуража его рассказа «Свидание» и пародируя лирико-патетический тон в излиянии чувства. «Прощай, Марфа Алексеевна!» — услышал «жалобный крик» рассказчик, бродивший с ружьем во время разлива реки по небольшому острову.

Тяжкие «стенания и всхлипывания» потрясали воздух. «Осторожно» пошел охотник в том направлении, и,— замечает он с явной усмешкой,— «в воображении моем уже рисовалась картина деревенского свидания перед разлукой во вкусе г. Тургенева» (VI, 452). Но никакой Марфы вовсе и не было. А на затопленных кулях сидел молодой купчик Холуйский, с аппетитом ел паюсную икру и оплакивал свое горе. Он не убежал, как героиня Тургенева, от постороннего человека, вышедшего из кустов, а откровенно поведал историю своей любви к Марфе и возможную драму. Оказалось, что гибель расшивы с мукой и крупой легко могла помешать его счастью, так как родители Марфы требуют от жениха непременно хорошей свадьбы, а ему теперь нигде достать денег.

Все обыденно-просто, а между тем,— полемически заключает автор,— «поверишь ли, читатель, что я не только не смеялся, но был тоже тронут... и почему же не так? Неужели паюсная икра, которую несчастный поливал своими слезами, как будто она не была и без того достаточно солонна,— могла бы изменить что-нибудь и помешать участию, которое возбудили во мне его слезы и голос, исполненный непритворного горя?» (VI, 452).

Показательно, что, рассматривая воздействие Тургенева на журнальную прозу 40—50-х годов, мы не встретили больше ни одной пародии на рассказы из «Записок охотника». Возможно, среди многих причин, помешавших публикации «Тонкого человека», была и неудовлетворенность Некрасова его формой. Хотя, повторяем, здесь действовала совокупность факторов.

Главным из них было понимание Некрасовым того сложного резонанса, который могла иметь 5-я глава повести, рисующая идеального управляющего Потанина. Отмечая, при всей реальности фактов, его нетипичность, мы должны не только определить судьбу этого образа в творчестве самого Некрасова (что достаточно прослежено, начиная от работ К. И. Чуковского и В. Е. Евгеньева-Максимова до интересного исследования В. Б. Соколова), но и установить место «Тонкого человека» (особенно 5-й главы) в кругу тематически родственных произведений 40—50-х годов, в частности, журнальной беллетристики из деревенского быта. Однако это иной аспект проблематики, знакомство с которым, нам кажется, даст плодотворные результаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом подробнее: Громов В. А. Н. А. Некрасов и писатели-орловцы. Орел, 1972, с. 4—12.

² Чуковский К. Вступительный очерк.— В кн.: Некрасов Н. «Тонкий человек» и другие неизданные произведения. М., 1928, с. 10.

³ Там же.